

ПРОТОКОЛ ПРЕДЕЛА

Максим Байтович

18+

Максим Байтович

Протокол предела

<https://litres.ru/73941118>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кей — хакер из Нижнего города, где эмоции стали валютой, бедняки продают свои слёзы, а богачи покупают чужие оргазмы по подписке. Её сестра умирает, счёт отрицательный, и единственный выход — воровать чужие чувства. Но однажды Кей находит «Пустую монету» — артефакт, способный копировать любую эмоцию бесконечно. Вместе с пустым бывшим оперативником Зигом и девушкой-аллергиком Линь, которая видит ложь, она выпускает в город настоящую надежду. Теперь за ними охотятся корпорации, а диск требует три жертвы: Кей придётся отдать свою любовь, чтобы миллионы людей снова научились чувствовать. Но готовы ли они к свободе? Или надежда станет просто новым товаром?

Содержание

Глава 1. Копилка Чувств	4
Глава 2. Дистиллированная тоска	14
Глава 3. Чёрный рынок эмоций	24
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Протокол предела

Глава 1. Копилка Чувств

1.

В «Мясной петле» никогда не бывает тихо. Даже в тринадцать ночей, когда дневная смена синтов выдыхает из легких углекислоту, а ночная смена уродов втягивает в себя отработанный адреналин — даже тогда город шумит. Не звуками. Чувствами.

Кей стояла в очереди к торговому автомату «Копилка Чувств», вжавшись спиной в маслянистую стену, и слушала, как плачет мужчина перед ней. Он не издавал ни звука. Но ее чип — старый, самопальный, спаянный из трех дохлых «Эмпатов» и китайской платы расширения — переводил его эмоции в звуковую волну. Прямо в кости черепа.

Жилы. Режут жилы. Тоненько так. Это было одиночество. Самый дешевый ресурс.

Мужчина подошел к автомату. Голографическая девушка с идеальными зубами улыбнулась и спросила:

— Что продаете, уважаемый клиент? Сегодня на бирже высокий спрос на стыд и ностальгию.

Мужчина просунул палец в считыватель. Его веки дернулись — чип просканировал архив воспоминаний.

— Первая любовь, — прошептал он. — Там еще море было. Настоящее. До Великого Подъема.

— Ценный актив, — кивнула голограмма. — Воспоминание о первой любви с географической привязкой. Оценка: 12 флэймов.

Мужчина кивнул. Печати. Запись упаковали. Автомат выплюнул пустую ампулу из матового стекла — внутри больше ничего не было. Только этикетка: «Любовь, первая, море, 2041».

Он взял ампулу. Повертел. Вложил в карман.

— Вы не забыли ее лицо, — спросила голограмма.

— Что? — Он не понял вопроса.

— Процедура завершена. Ассоциативный массив стерт. Вы не помните, как ее звали. Не помните, пахла ли она со-

лю. Вы помните факт любви, но не саму любовь. Спасибо, что выбрали «Копилку Чувств». Хорошего дня.

Мужчина отклеился от автомата и пошел прочь. Его шаги были спокойными. Слишком спокойными. На лице не дрогнул ни один мускул. Он только что забыл лицо самой дорогой женщины в своей жизни, и ему было... ничего. Ему было пусто. Потому что пустоту не продают. Ее дарят бесплатно.

— Следующий.

Кей выдохнула. Вдохнула. Проверила пульс — 140. Чип завывал на высоких частотах, собирая чужую боль как радиопомехи. Она всегда так. Если кто-то рядом страдал, ее мозг начинал плавить череп изнутри. Врачи говорили — сверхчувствительность нервных окончаний. Мать говорила — проклятие. Сама Кей называла это арендной платой за жизнь в дерьме.

Она вставила свой чип в слот автомата.

Вспыхнул баланс.

—40 флэймов.

Кровь отхлынула от лица. Она знала, что должна. Знала.

Но видеть красные цифры — все равно что получить нож в живот.

— У вас отрицательный баланс, — голограмма больше не улыбалась. — Ваш чип будет заблокирован через... 72 часа. Для погашения задолженности предлагаем следующие варианты.

Автомат выплюнул список. Она читала его в сотый раз.

Вариант А: Продажа страха (категория «фобии высоты, темноты, потери»). Оценка: 35 флэймов. Побочные эффекты: утрата инстинкта самосохранения. Смерть в течение 6 месяцев.

Вариант Б: Продажа ностальгии (15 минут, локация «дом»). Оценка: 8 флэймов. Вы забудете мусорный контейнер, в котором родились. Не подходит для погашения кредита.

Вариант В: Контракт «Эмо-раб». Длительность: 1 год. Круглосуточная запись всех переживаний. Аванс: 200 флэймов. Бонус: целевое лечение для родственника первой линии (сердце сестры — подтверждено). Побочные эффекты: эмоциональное выгорание за 8 месяцев. Полная апатия. Статистическая смертность — 34%.

Кей смотрела на третий вариант. Там, мелким шрифтом, горели три слова: «Вы согласны? Да / Нет».

Она вспомнила лицо Мии. Девять лет. Трубка в горле. Искусственное сердце, которое тикает, как бомба. И улыбку — слабую, бледную, но настоящую. Единственную эмоцию, которую Кей никогда не продаст.

— Да, — сказала Кей. И потянулась пальцем к экрану.

Но нажала не туда.

Потому что в последнюю секунду её рука нырнула за пазуху и достала то, что она нашла вчера в старом серверном отсеке. Маленький диск. Тусклый. Без единой царапины. На нем был выгравирован только один символ: Ø — пустое множество.

«Пустая монета».

Человек, который умер под серверной стойкой, сказал перед смертью: «Она копирует всё. Бесконечно. Положи в автомат и разбей стекло».

Кей никогда не верила мертвецам. Но баланс в минус со-

рок флэймов делает любое суеверие рациональным.

Она швырнула диск в стекло автомата.

Стекло не треснуло. Оно вздохнуло. И прогнулось внутрь, как желе.

А потом «Копилка Чувств» запела.

2.

Сначала вылетели пробки — дешевые пластиковые заглушки, прикрывавшие разъемы. Потом автомат выдал ошибку:

— ОШИБКА 0x0 — НАРУШЕНИЕ ЗАКОНА СОХРАНЕНИЯ ЭМОЦИИ.

— ЗАПРОШЕНА ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ КОНСТАНТА.

— Чего? — Кей не поняла предпоследнее слово. Но последнее действие автомата поняла сразу.

Он начал выплевывать эмоции.

Тысячи ампул, запаянных в матовое стекло, дождем по-

сыпались на асфальт. Синие — для спокойствия. Красные — для ярости. Желтые — для радости. Черные — для горя. Они бились о землю, и из разбитых осколков вырывались чужие жизни.

Счастье ребенка, который впервые увидел собаку, — оно прошло электрическим разрядом по ногам Кей.

Страх женщины, которую насиловали в переулке в 2049 году, — он ударил в живот кислотой.

Восторг мужчины, который защитил диссертацию за пять минут до ядерного удара по Сеулу, — он подбросил Кей в воздух, и она приземлилась на колени.

Люди в очереди падали. Кто-то смеялся, кто-то плакал, кто-то вырывал себе волосы. Парень с левым глазом из металла поймал ампулу с уверенностью в себе и вдул ее в свой чип на ходу — его позвоночник выпрямился, и он зашагал прочь, как терминатор. Девушка в рваной футболке наступила на гнев отца и начала биться головой о стену.

— Останови! — заорал кто-то сзади. — Это инфляция!

Кей не слушала. Она смотрела на диск «Пустая монета», который светился теперь мягким серебряным светом. Он

скопировал все эмоции из автомата. И продолжал копировать их снова и снова. Бесконечно. Разрушая экономику города за минуту.

— Ты что, с ума сошла? — голос раздался слева, из люка канализации.

Кей повернула голову. Из-под решетки торчала чья-то рука. Татуировка на запястье: BioDyne, Exp. 344, собственность.

Пальцы манили.

— Прыгай. Быстро. Полиция уже летит.

Кей услышала вой. Корпоративные дроны «Стрижи» резали воздух в трех кварталах. Их сенсоры наводились на эмоциональные всплески — а тут всплеск был цунами.

Она схватила диск, сплюнула кровь (прикусила губу, когда на нее накатил чужой оргазм), и нырнула в люк.

Рука поймала ее за шиворот. Втянула в темноту.

Лязг решетки.

И тишина.

Почти.

Вода в коллекторе была ледяной и воняла старыми чипами. Напротив сидел мужчина. Слишком красивый, чтобы быть живым. Идеальные скулы. Идеальные швы под ушами. И абсолютно пустые глаза.

— Меня зовут Зиг, — сказал он голосом, в котором не было ни одной эмоции. Ноль флэймов. — Ты только что запустила экономический коллапс. Спасибо. Я ненавижу этот банк.

— Кто ты? — Кей прижала диск к груди.

— Твой новый должник, — мужчина улыбнулся. Улыбка была правильной. Искусственной. Как у голограммы из автомата. — Потому что теперь за твою голову дают 10 000 флэймов. А я... я хочу научиться чувствовать страх. Говорят, он очень дорогой на бирже.

Из темноты тоннеля донесся новый звук. Капала вода. Или кто-то плакал. В этой дыре трудно было отличить.

— Добро пожаловать в подполье, — Зиг протянул руку.

— Тут мы не продаем любовь. Мы ее... ну, типа, прячем. Пока не найдут.

Кей не пожала руку. Но и не убежала.

Потому что за ее спиной, сквозь решетку люка, прорвался последний крик из автомата:

— ВНИМАНИЕ! ЗАФИКСИРОВАНА НЕЛЕГАЛЬНАЯ ЭМОЦИЯ! ТИП: «НАДЕЖДА». КАТЕГОРИЯ: ЗАПРЕЩЕНА. ВСЕМ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМ — ОХОТА!

Кей посмотрела на диск в своей руке. Тот горел. Серебряным. Теплым. Тем, чего не бывает в «Мясной петле».

Она только что украла у корпораций не просто эмоции. Она украла надежду.

И теперь за ней охотился весь город.

— Зиг, — сказала Кей. — У тебя есть что выпить?

— Только дистиллированная тоска.

— Пойдет.

Глава 2. Дистиллированная тоска

1.

Подземелье пахло старыми снами.

Кей не знала, как еще описать эту вонь — смесь озона, ржавой воды и чего-то сладковатого, что чип интерпретировал как чужую тоску по дому. В коллекторе под «Мясной петлей» было темно, но не для нее. Ее самопальный чип давно научился переводить эмоциональные следы в тепловую карту. Стены светились фиолетовым — здесь плакали. Пол зеленел — здесь блевали от страха. А потолок пульсировал красным — здесь кто-то умер насильственной смертью, и его последняя ярость въелась в бетон.

— Не смотри на стены, — сказал Зиг, шагая впереди. Его идеальные ботинки не касались воды. Какая-то левитационная херня на дешевых магнитных подушках. — Они говорят.

— Стены не говорят, — Кей перехватила диск поудобнее. «Пустая монета» нагрелась, как живая. — Это галлюцинации от перегрузки чипа.

— Ага. — Зиг остановился у старой решетки. — И поэто-

му ты сейчас слышишь голос своей матери, хотя она умерла шесть лет назад?

Кей замерла.

Где-то в глубине тоннеля, за тремя поворотами, кто-то звал ее по имени. Тоненько. Протяжно.

— Ке-ей... Ке-ей, дочка, иди сюда...

— Это не она.

— Это коллектор, — кивнул Зиг. — Он записывает всё. Каждый крик, каждый стон, каждое «я тебя люблю», сказанное перед тем, как перерезать горло. И проигрывает по ночам. Добро пожаловать в подполье, Кей.

Он толкнул решетку. Та открылась с мокрым чмоканьем, и за ней оказалась... комната.

Настоящая комната. С ковром. С лампой. С обоями в цветочек.

— Что это? — Кей моргнула.

— Мое убежище, — Зиг шагнул внутрь, скинул мокрое

пальто (оно зашипело, высыхая на вешалке), и жестом пригласил входить. — Удивлена? Ожидала трубы, грязь и крыс?

— Ожидала, что ты будешь жить... ну... как нормальный беглец.

— Кей, я был собственностью корпорации BioDyne тринадцать лет. Я спал на койке, которую делил с двумя другими экспериментами. Ел пасту, которую синтезировали из моей же мочи. — Зиг подошел к маленькому холодильнику, достал две банки. На одной было написано «Тоска, дистиллированная, 0.5 л, 15 флэймов». На второй — «Спокойствие, заменитель, без вкуса». — Теперь я хочу ковер. И обои. И лампу, которая пахнет пылью, когда нагревается. Это мой бунт.

Он протянул Кей банку со спокойствием.

— Не пью заменители, — отрезала она.

— Тогда тоску. Но предупреждаю: после нее хочется позвонить бывшим. Даже если бывших не было.

Кей взяла тоску. Открыла. Вдохнула. Запах был как мокрая листва и старые фотографии.

— За что пьем? — спросила она.

— За экономический коллапс, который ты устроила двадцать минут назад. — Зиг поднял свою банку. — И за то, что мои акции в эмо-банке только что рухнули на сорок процентов. Я стал беднее на тысячу флэймов. Спасибо.

Они чокнулись. Кей сделала глоток.

Тоска ударила в горло, как горячая смола. Она не была неприятной. Скорее... родной. Как будто Кей всю жизнь ждала, когда кто-то упакует это чувство в банку и скажет: «Пей, это нормально — быть несчастной».

— Где Линь? — спросил Зиг, садясь на ковер.

— Кто?

— Третий в нашей команде. Или ты думала, я просто так выглядывал из люка? Мне сказали: «В полночь у автомата будет девушка с диском. Встреть».

— Кто сказал?

— Линь. — Зиг сделал глоток тоски. — Она видит ложь. Не чувствует, а именно видит. Как цвет. Ты врешь — у тебя

над головой желтое облако. Корпорация врет — небо становится серым. Очень полезный навык, когда торгуешь эмоциями на черном рынке.

Кей хотела спросить, видит ли Линь ложь в ней, но не успела.

Стена с обоями в цветочек раздвинулась.

И вошла девушка.

2.

Линь была маленькой. Почти карлицей. Лет девятнадцати, с короткими пегими волосами и глазами, которые смотрели сквозь тебя, а не на тебя. На ней была старая армейская куртка с десятками карманов, и из каждого торчал провод. Никаких чипов. Кей прищурилась, проверила — точно. Ни одного импланта. Голое мясо.

— Ты шумишь, — сказала Линь, закрывая за собой стену. — Я слышала ваш тост за три квартала. У меня слух без фильтров.

— Извини, — Кей не ожидала, что извинится. Но голос сам выскочил.

— Не извиняйся. Покажи диск.

Кей сжала пальцы. «Пустая монета» пульсировала теплом, как второе сердце.

— Сначала скажи, кто ты.

— Я та, кто знает, что ты украла не просто эмоции. — Линь подошла ближе. Глаза ее стали белыми — без радужки, без зрачка. — Ты украла память о том, что чувства могут быть бесплатными. И теперь каждый, кто разбил ампулу на той улице, вспомнит, каково это — радоваться без причины. Грустить без подписки. Любить без контракта.

— Это плохо? — Кей не поняла.

— Это революция. — Линь улыбнулась. Улыбка у нее была кривая, с щербинкой между зубов. — А революции плохи для бизнеса. Корпорации уже объявили охоту. Не на тебя. На диск. Им плевать, сколько Кей умрет. Им важно, чтобы «Пустая монета» не размножила надежду.

Зиг допил тоску, поморщился (первая эмоция за вечер, которую Кей от него увидела), и сказал:

— Линь, ближе к делу. Сколько нам заплатят?

— За диск? — Линь взяла монету из рук Кей. Та не сопротивлялась. Почему-то не хотелось. — На черном рынке — тридцать тысяч флэймов. Это больше, чем ты заработала за всю жизнь, Кей. На эти деньги можно вылечить сестру. Купить новое лицо. Сбежать в нейтральную зону и никогда не чувствовать чужой боли.

— А если не продавать? — спросила Кей тихо.

— Если не продавать — мы попытаемся активировать монету. Скопировать надежду бесконечно. Разослать каждому чипу в городе. — Линь посмотрела на Кей. Белые глаза моргнули, стали обычными — карими, усталыми. — Но для активации нужно три человека. И каждый должен отдать свою самую сильную эмоцию. Навсегда.

Тишина в комнате стала плотной, как вода.

— Я отдам свой гнев, — сказала Кей первой.

— Я отдам... — Зиг замялся. — У меня нет эмоций. Я пустой.

— У тебя есть отчаяние, — возразила Линь. — Ты носишь его под левой ключицей. Маленькое, черное, размером с мо-

нету. Оно осталось от той ночи, когда ты убил своего брата по приказу корпорации.

Зиг побелел. Впервые Кей увидела на его идеальном лице не маску, а лицо.

— Откуда ты...

— Я вижу ложь, Зиг. — Линь вздохнула. — А твоя ложь самому себе самая большая. Ты не хочешь чувствовать страх. Ты хочешь прощения. Но его нельзя купить даже за десять тысяч флэймов.

Она положила диск на маленький столик между ними.

— У нас три дня. Потом за нами придут «Охотники за флэймом». Если не решим, что делать с монетой, она решит за нас.

Кей посмотрела на диск. Тот светился. Серебряный. Теплый.

— А ты, Линь? — спросила Кей. — Что отдашь ты?

Линь улыбнулась своей кривой улыбкой.

— Я единственная, кому терять нечего. Заберите мою способность доверять. Я всё равно никогда не верила.

Она протянула руку, и Кей вдруг поняла, что в этой комнате — на этом грязном ковре, под этими дурацкими обоями в цветочек — собрались три человека, у которых не осталось ничего, кроме долгов.

Долгов перед мертвыми. Перед живыми. Перед теми, кто еще не родился, но уже должен корпорациям за право дышать.

— Я согласна, — сказала Кей.

— Я подумаю, — сказал Зиг.

— Я уже решила, — сказала Линь. — Вопрос не в том, сможем ли мы. Вопрос в том, захотим ли мы жить в мире, где надежда — это бесплатно. Потому что бесплатная надежда — это самая страшная вещь, которую я знаю.

За стеной, в коллекторе, снова заплакала вода. Или чья-то мать.

Кей допила тоску. Поставила банку на стол. И сказала то, что изменит всё:

— Покажите мне черный рынок. Я хочу знать цену моего страха.

Линь кивнула.

Зиг встал.

И стена с обоями в цветочек открылась в третий раз. Но теперь за ней была не комната. Там была бездна.

Бездна, в которой продавали человеческие слезы в розницу.

Глава 3. Чёрный рынок эмоций

1.

Бездна оказалась станцией метро.

Кей узнала её по плитке на стенах — квадратной, жёлтой, с трещинами. Такая же была на станции «Центральная» двадцать лет назад, до Великого Подъёма, когда город ещё не ушёл под землю. Теперь «Центральная» называлась «Мясной петлёй», а жёлтая плитка продавалась на сувениры по 0,5 флэйма за кусок.

— Это станция «Ветка», — сказала Линь, шагая вперёд. — Самая глубокая в городе. Сто двадцать метров. Сюда даже дроны не летают — слишком много железа в породе, сбивают навигацию.

Кей оглянулась. Платформа была полна людей. Но не обычных — тех, кого в новостях называли «эмо-отбросами». У каждого был вырезан кусок лица. У одного — рот. У другого — брови. У третьего — вся кожа от переносицы до подбородка, так что виднелись мышцы, когда он улыбался (он улыбался часто, и это было страшно).

— Они продали мимику, — прошептал Зиг, заметив её взгляд. — Дешёвая статья дохода. Улыбка стоит 2 флэйма. Плач — 5. Оргазм — 15, если ты женщина. Мужчины получают меньше. Сексизм даже в эмоциях.

— Зачем им... зачем продавать лицо?

— Затем, что есть люди, которым нечем улыбаться. — Зиг кивнул на дальний конец платформы. — Смотри.

Там, под облупившейся вывеской «Выход в город», стояла очередь из богатых. Кей узнала их по чистым пальто и по тому, как они держали головы — высоко, с достоинством, как будто воздух на станции не вонял мочой. У каждого в руке был номерок. У каждого на виске горел золотой чип последней модели.

— Аукцион, — объяснила Линь. — Богачи покупают живые эмоции. Не записи. Не ампулы. Живые. Прямо с лица продавца. Садись, подключаешься, и чужой испуг становится твоим. Чужой оргазм — твоим. Чужое горе — твоим. На десять минут. Потом отключаешься и идёшь пить настоящий кофе. Там, наверху.

Кей передёрнуло.

— И сколько стоит... минута чужого горя?

— Зависит от горя. — Линь пожала плечами. — Смерть ребёнка — 500 флэймов минута. Измена — 40. Увольнение — 5. Сейчас дефицит на стыд за богатство. Говорят, один миллиардер заплатил 10 000, чтобы почувствовать, как это — быть бедным. Вышел из кабинки и заплакал. Сказал, что это лучший опыт в жизни. А потом купил остров.

Зиг хмыкнул. Это был первый звук, похожий на эмоцию, который Кей от него услышала.

— Не смейся, — сказала Линь. — Ты сам был таким.

— Был, — кивнул Зиг. — И теперь ненавижу.

— Тише. — Кей остановилась. — Кто это?

Прямо посередине платформы стоял человек. Высокий. Лысый. В чёрном плаще, который переливался как машинное масло. Но не это привлекло внимание Кей. Её чип завыл так, как не выл никогда. Даже в коллекторе, когда стены говорили голосом мёртвых.

Она увидела его эмоции.

Их не было.

Совсем.

Под чёрным плащом пульсировала пустота. Не ноль флэймов, как у Зига. А отрицательная бесконечность. Как будто этот человек не просто не чувствовал — он высасывал чувства из воздуха. Из людей вокруг. Из плитки под ногами.

— Охотник за флэймом, — выдохнула Линь. — Первого ранга. Чёрная метка.

— Он нас видит? — шёпотом спросила Кей.

— Он тебя чувствует, — поправил Зиг. — Охотники не смотрят. Они сканируют. Твой чип — маяк. Выключи его.

— Не могу. Он к нейросети припаян.

— Тогда бежим.

Человек в чёрном повернул голову. Медленно. Плавно. Как камера наблюдения.

И посмотрел прямо на Кей.

Глаза у него были белыми. Как у Лини. Но если у Лини они светились изнутри мягким, живым светом, то у него — белизна была мёртвой. Как у рыбы на рынке.

— Обнаружена нелегальная эмоция, — сказал Охотник. Голос у него был механическим. — Тип: надежда. Мощ- ность: критическая. Владелец: не идентифицирован.

— Линь, — Зиг потянул подругу за рукав. — Выход где?

— Только один. — Линь показала на эскалатор, ведущий наверх. — Но там тоже Охотники. Они перекрыли станцию. Мы в мышеловке.

Кей сжала диск в кармане куртки. «Пустая монета» пуль- сировала. Требовала выхода.

— У меня есть план, — сказала Кей.

— Какой? — спросили Зиг и Линь одновременно.

— Очень тупой.

Она шагнула вперёд. Прямо к Охотнику.

— Эй, лысый! — крикнула Кей. — Ты ищешь надежду?

Так вот она.

Она достала диск. Подняла над головой. «Пустая монета» вспыхнула серебряным светом, и вся станция ахнула.

Люди замерли. Даже те, кто продавал свою мимику. Даже те, кто стоял в очереди к аукциону. Даже воздух перестал двигаться.

— Стоять, — сказал Охотник. — Положить диск на пол. Руки за голову.

— А иди ты, — ответила Кей.

И разбила диск об пол.

2.

«Пустая монета» не разлетелась на осколки.

Она раскрылась.

Как цветок. Как бомба. Как рождение.

Серебряный свет вырвался из диска и ударил в потолок станции. Кей почувствовала, как её чип перегревается — сначала в виске, потом в позвоночнике, потом в каждой клет-

ке тела. Это было похоже на оргазм. На смерть. На то, как плачет мать, когда её ребёнок впервые сказал «мама». Всё сразу.

— Что... — начал Зиг, но не договорил.

Свет коснулся его. И он почувствовал.

Впервые за много лет. Не отчаяние. Не тоску. А что-то другое. Тёплое. Золотое. Он не знал, как это называется. Но его чип, мёртвый чип, в который корпорация BioDyne залила пустоту, вдруг замигал. И высветил одно слово:

НАДЕЖДА.

Линь зажмурилась. Свет был слишком ярким для её голых, без чипов, глаз. Но сквозь веки она увидела странное. Все люди на станции перестали врать. У каждого пропало жёлтое облако над головой. Даже у Охотника.

А Охотник... он улыбался.

Его белые глаза засияли. Из мёртвых стали живыми. И он прошептал:

— Я... я помню. Я помню, как меня звали. До того как

меня переделали в машину для охоты. Меня звали... меня звали...

Он не успел.

Потому что в этот момент с верхнего яруса станции спрыгнули трое в чёрном. Таких же. Но старше. Злее. У одного на груди горела эмблема: NeuroCrown, отдел ликвидации эмоциональных аномалий.

— Протокол «Пустота», — сказал старший. — Уничтожить носителя. Изъять артефакт.

Охотник, который улыбался, повернулся к ним.

— Нет, — сказал он.

— Что?

— Я сказал: нет. — Он встал между Кей и тремя в чёрном. — Я больше не ваш. Я чувствую. Я живой.

Он бросился на них. Голыми руками. Без оружия. Только с надеждой, которая горела в его мёртвых глазах.

Старший выстрелил. Из плаща вылетела игла — не ме-

таллическая, а световая. Эмоциональный дротик. Он ударил Охотника в грудь, и тот замер. Его улыбка стала стеклянной. А потом он упал. И больше не встал.

— Одна аномалия ликвидирована, — сказал старший. —
Осталось две.

Он посмотрел на Кей. На Зига. На Линь.

— Диск работает в тестовом режиме, — спокойно заметил он. — Он скопировал надежду ровно один раз. Сейчас он перезаряжается. Следующий запуск — через 72 часа. — Он достал из плаща маленький чёрный пульт. — У нас есть время найти владельца. И уничтожить.

Кей стояла, глядя на тело Охотника. Того, кто улыбался. Того, кто вспомнил своё имя. Он лежал на грязной плитке, и из его груди медленно вытекал не кровь — а серебряный свет. Надежда, которую он успел почувствовать. Всего на десять секунд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.